

УВАЖЕНИЕ КЪ ЗАКОНУ.

У меня есть желаніе поговорить о предметѣ совершенно новинномъ, и притомъ поговорить въ направленіи весьма строгомъ. Желая, но мѣрѣ силъ, содѣйствовать укрѣпленію *уваженія къ закону*. Ясно сознаю чистоту своего намѣренія, но, мысленно обозрѣвая намѣченный мною путь, не могу скрыть отъ себя, что мой путь можетъ оказаться не весьма гладкимъ, а по мѣстамъ можетъ оказаться даже и очень *стропотнымъ*. Вижу это, но все же попытаюсь походить по этому пути.

У разныхъ возрастовъ бываютъ свои излюбленные слова и рѣчи. Въ возрастѣ юномъ слова: *уваженіе къ закону* совсѣмъ не въ ходу. Да и понятно, что въ тѣ годы, когда свѣжимъ молодымъ силамъ приходится пробовать себя, когда думается, что и конца — мѣры нѣтъ нашей силѣ, когда широко отворяются ворота, выпускающія на свободу, на пользованіе тѣми или другими правами и благами жизни, — въ эти годы и трудно, — хотя не невозможно, — настроить себя на такіе тоны, въ которыхъ звучала бы тема: *уваженіе къ закону*.

Иное дѣло наше, — людей, проживающихъ вторую половину своей жизни. У насъ и своихъ, и чужихъ, самыхъ убѣдительныхъ опытовъ необходимости уваженія къ закону накопилось не мало. И наше общественное положеніе, и занимаемая многими изъ насъ должности, и наши семейныя отношенія могутъ настоятельно и часто вызывать насъ на болѣе или менѣе энергическое исповѣданіе и проповѣданіе уваженія къ закону. Мы и исполняемъ свой долгъ:

исповѣдуемъ и проповѣдуемъ. Иногда даже безмѣрно пристращаемся къ этому справедливому и вполне законному дѣлу, начинаемъ поминутно садиться на этого коня, не давая ни себѣ, ни ему ни отдыха, ни срока. Доходить даже и до того, что мы въ свою проповѣдь выкладываемъ все дочиста, не оставляя въ себѣ ничего изъ выкладываемого, и какъ-то бессознательно изъ проповѣдниковъ уваженія къ закону превращаемся въ нарушителей законовъ.

Когда дѣло стоитъ на этой ступени, тогда совершается любопытное въ психологическомъ отношеніи явленіе: проповѣдникъ уваженія къ закону даже и не доходитъ до мысли, что самъ онъ — нарушитель закона. Спокойно и чистосердечно онъ совсѣмъ забываетъ прикинуть къ своимъ дѣйствіямъ тотъ нравственный аршинъ, который такъ усердно вертитъ онъ въ своихъ рукахъ и предлагаетъ другимъ. Если онъ находится въ такомъ положеніи, которое обезпечиваетъ его отъ чужихъ попытокъ показать ему этотъ аршинъ хотя издали, иначе сказать, когда всякая попытка обратить его вниманіе на допускаемое имъ нарушеніе должнаго уваженія къ закону можетъ повлечь за собою болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія для непрошенныхъ ревнителей: то бессознательному отношенію можно будетъ продолжаться безъ помѣхи до послѣдняго, неизбежнаго для всѣхъ, конца. По наступленіи его, не замедлять, конечно, выплыть на свѣтъ Божій, въ той или другой формѣ, въ видѣ ли укоровъ почившему, въ видѣ ли безпристрастнаго суда историка, или въ мягкой формѣ благожеланій поступившему на его мѣсто лицу, въ формѣ чаяній, которыя возлагаются на этого преемника или отдѣльными лицами, или цѣлыми учрежденіями и даже сословіями, — не замедлять выплыть болѣе или менѣе рѣзко очерченныя указанія на недостатокъ у почившаго должнаго уваженія къ закону. Выплывать этимъ указаніямъ будетъ легко: они уже безопасны для запоздавшихъ обладателей зоркихъ очей; но за то и жизненное значеніе ихъ не велико. Ихъ значеніе развѣ только тогда можетъ припять не микроскопическіе размѣры, когда къ запоздалымъ указаніямъ однихъ выйдетъ навстрѣчу желаніе другихъ дѣлать не то, что дѣлалось прежде.

Иногда, конечно, наступаетъ горькая нужда выслушивать эти запоздалыя указанія и ранѣе наступленія конца

ней нашихъ. Это бываетъ при измѣненіи нашего положенія къ худшему. Тогда, ободренные надеждою на личную безопасность, съ разныхъ сторонъ выступаютъ съ болѣе или менѣе острыми жалами запоздавшіе просвѣтители. Жалкому они причинять, конечно, не мало боли: но дѣлу принести пользу они уже не могутъ.

Способность тѣхъ или другихъ дѣятелей бессознательно относиться къ допускаемымъ ими самими нарушеніямъ закона и соединять ее съ сознательною проповѣдію о необходимости уваженія къ закону вырастаетъ, обыкновенно, на увѣренности въ чистотѣ и благотворности своихъ намѣреній. Она-то и застилаетъ глаза и дѣлаетъ ихъ неспособными всмотрѣться, какъ слѣдуетъ, въ свои дѣйствія. Чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ далѣе отводитъ отъ самой мысли сравнить свои дѣйствія съ своими же рѣчами объ уваженіи къ закону.

Но бываетъ хуже. Рѣчи объ уваженіи къ закону льются изъ нашихъ устъ; бессознательнаго отношенія къ несогласію съ нашими рѣчами нашихъ же собственныхъ дѣйствій нѣтъ; несогласіе это видимъ, но прекратить его не имѣемъ ни малѣйшаго желанія. Въ то же время желаемъ быть правы, но крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ.

Самую благодарную, можно сказать неистощимую почву, изъ которой можно извлечь несчетное разнообразіе оправданій, представляетъ ясное сознаніе благотворныхъ послѣдствій отъ нарушенія того или другаго закона. Признаніе обязательности закона въ цѣломъ составѣ его предписаній идетъ въ такихъ случаяхъ объ руку, совершенно мирно, съ признаніемъ полезныхъ послѣдствій отъ нарушенія того или другаго правила закона въ отдѣльности. Польза для службы, польза для дѣла, польза для другихъ лицъ, польза для себя, — однимъ словомъ, куда ни обернешься, отовсюду такъ и лѣзетъ польза, и притомъ польза не какого нибудь низменнаго свойства, въ родѣ наживы, а характера довольно возвышеннаго. Возьму хотя одинъ примѣръ изъ области близкой нашему сердцу. Въ дѣйствующемъ Уставѣ духовныхъ академій параграфъ 172-й содержитъ слѣдующее: „книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя академіями изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры“. Законъ ясенъ: не подлежатъ разсмотрѣнію цен-

зуры, — слѣдовательно, лица, на обязанности которыхъ лежить разсмотрѣніе заграничныхъ изданій, ввозимыхъ въ Россію, должны пропускать ихъ въ Московскую духовную академію, не прикасаясь къ нимъ ни чернилами, ни ножницами. Изданія идутъ изъ Лейпцига, отъ Брокгауза, по печатному, на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, адресу, гдѣ крупными и жирными шрифтами напечатано: *въ Библиотекѣ Московскои Духовнои Академіи* (An die Bibliothek der Moskauer Geistlichen Akademie, Sergjew Possad bei Moskau). По прибытіи посылки на мѣсто назначенія, разрѣзываете какую нибудь невипную богословскую газету, въ родѣ „Всеобщей евангелическо-лютеранской церковной газеты (Allgemeine-Evangelisch-Lutherische Kirchenzeitung), и нерѣдко находите мѣста, залитыя густымъ слоємъ черно-рыжихъ чернилъ. Многократныя наблюденія надъ употребленіемъ этого, очень неприятнаго на видѣ, состава поставили вѣдъ всякаго сомнѣнія ту истину, что употребляется ошъ въ приложеніи къ упомянутой газетѣ исключительно въ статьяхъ, касающихся Остзейскаго края. Остальное все въ газетѣ оказывается благонамѣреннымъ или безвреднымъ на столько, что употребленіе черно-рыжихъ чернилъ представляется излишнимъ для потребителей этого состава; однѣ только Остзейскія корреспонденціи оказываются зловредными и требующими сокрытія подъ чернильною тьмою. Когда мы достаточно привыкли къ появленію слоя рыжихъ чернилъ на Остзейскихъ корреспонденціяхъ, оставляя безъ всякихъ жалобъ нарушеніе предоставленнаго академіи права, намъ пришлось ознакомиться съ другимъ новымъ и упрощеннымъ способомъ изытія упомянутыхъ корреспонденцій изъ области нашего вѣдѣнія: ихъ стали вырѣзывать ножницами. Отчего произошла эта недавняя, съ нынѣшняго года, перемѣна, намъ неизвѣстно: отъ того ли, что найденъ былъ гдѣ нибудь способъ выводить вторичную формацію чернилъ безъ поврежденія первичной, и такимъ образомъ употребленіе втораго слоя чернилъ оказалось не вполне цѣлесообразнымъ; отъ того ли, что потрудившійся падъ сокрытіемъ вреднаго перваго слоя чернилъ подпалъ боязни, какъ бы не ухитрился кто нибудь прочесть не подлежащее прочтенію; отъ того ли, что не всякій разъ чернила были подъ руками; или наконецъ отъ того, что открыть былъ способъ легче и быс-

трѣе достигать предположенной цѣли при помощи острыхъ ножницъ: то ли, другое ли, третье ли, четвертое ли, но во всякомъ случаѣ Остзейскія корреспонденціи стали подвергаться выстриганію. Что ножницы направлены были собственно противъ этихъ корреспонденцій, это оказалось изъ оглавленія содержанія того или другаго № газеты. Въ оглавленіи газеты, между прочимъ, значится статья: „изъ Остзейскихъ провинцій“, а въ газетѣ никакой такой статьи не оказывается; она вырѣзана и съ заголовкомъ. Газета издается въ большую четвертку, въ два столбца. Если корреспонденція умѣстилась на одномъ столбцѣ, то сверху до низу отрѣзывается одинъ столбецъ; а если на двухъ столбцахъ одной страницы: то отрѣзывается вся четвертка. При этомъ рѣзатель, конечно, не считаетъ себя обязаннымъ обращать вниманіе на то, не простирается ли дѣйствіе его орудія на ни въ чемъ неповинныхъ сосѣдей, то есть, отрѣзая однимъ движеніемъ длинныхъ ножницъ всю четвертку и такимъ образомъ упрощая и сокращая свой трудъ, онъ не заботится о томъ, не урѣзываетъ ли онъ конецъ какой нибудь другой статьи и начало третьей. Такъ, на примѣръ, вырѣзая въ № 10 нынѣшняго (1892) года, за 18-е Марта, статью: „Изъ Остзейскихъ провинцій“, цензоръ вмѣстѣ съ тѣмъ вырѣзалъ и находившіеся на той же четверткѣ: конецъ корреспонденціи „Изъ Швейцаріи“ и начало корреспонденціи „Изъ Эльзаса“. Еще: вырѣзая въ № 46 (за 18-е Ноября 1892 г.) статью: „изъ Остзейскихъ провинцій“, цензоръ отрѣзалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и напечатанные на той же четверткѣ: конецъ статьи „Англійскій церковный конгрессъ“, да всю статью „изъ великаго герцогства Гессенскаго“, да еще начало статьи „церковныя похороны самоубійицъ“. Эти и подобныя имъ №№ вышеупомянутой газеты можно безплатно видѣть въ бібліотекѣ Московской духовной академіи.

Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что стригущій руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ желаніемъ принести пользу профессорамъ академіи, предотвращая тотъ вредъ, какой они могли бы нанести себѣ прочтеніемъ выходокъ какого нибудь остзейца: но нельзя же забывать и того, что употребленіе не только ножницъ, отстригающихъ заръзъ вмѣстѣ съ вредными и безвредными столбцами и строками, но и чернилъ, ограничиваемыхъ въ своемъ дѣйствованіи

заранѣе и разумно намѣченными предѣлами, закону противно и составляетъ прямое его нарушеніе. Только желаніемъ душевной для насъ пользы и можетъ оправдывать себя это нарушеніе, и только по чувству благодарности за такую заботливость мы не жалуемся на нарушеніе права, предоставленнаго намъ закономъ, да развѣ еще по увѣренности, что ничего путнаго въ вырѣзанныхъ мѣстахъ мы не нашли бы ни для своего ума, ни для своего сердца:

Простятся подъ перо и другіе нашему сердцу такъ же близкіе и по своему происхожденію однородные примѣры, то есть, такъ же ведущіе начало своего бытія отъ желанія принести пользу вопреки яснымъ требованіямъ закона: по указаніе на другіе примѣры едва ли могло бы быть закончено выраженіемъ такой благодарности и такой увѣренности, какими закончили мы изложеніе перваго примѣра, а потому и оставляемъ эти другіе примѣры въ запасъ до впродъ будущаго времени.

Рѣчи объ уваженіи къ закону легко мирятся и съ тѣми нарушеніями закона, которыя происходятъ изъ остатковъ любви къ свободѣ отъ ограниченій, полагаемыхъ закономъ, особенно при некуспомъ эксплуатированіи этихъ остатковъ болѣе или менѣе ловкими людьми, умѣющими во время подогрѣть ихъ и пустить въ дѣйствіе.

Человѣку и самому по себѣ и особенно при помощи другихъ легко найти въ себѣ сочувственные отклики на призывъ къ отрѣшенію отъ мертвой буквы закона. Быть буквалистомъ, формалистомъ,—что въ этомъ хорошаго? Стѣснять свободные порывы своего сердца, подчинять ихъ какимъ нибудь статьямъ свода законовъ,—что въ этомъ пріятнаго или возвышеннаго? Рабское отношеніе къ какому нибудь параграфу закона очерствяетъ, даже мертвитъ душу, превращаетъ ее чуть не въ машину. А возьмите дѣло по шире: тогда вашъ кругозоръ еще больше захватитъ свободнаго пространства. Вѣдь вотъ эти параграфы вопли въ законъ только по настойчивости Петра Ивановича, а вотъ эти остались въ законѣ только по упрямству Ивана Петровича; а на этомъ настаивалъ только одинъ Иванъ Ивановичъ; спорить съ нимъ неудобно было и такому-то и такому-то. А вотъ это даже два раза не проходило и только по треть-

ему разу прошло, да и то благодаря энергической поддержкѣ Федора Ивановича.

Кругозоръ съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, открывается широкій, но уже совсѣмъ не совмѣстимый съ рѣчами объ уваженіи къ закону. Нужно или прекратить эти рѣчи, или дать истинную цѣпу своимъ свѣдѣніямъ по исторіи происхожденія тѣхъ или другихъ параграфовъ закона. Иначе сказать, нужно признать или обязательность дѣйствующихъ законовъ, или не обязательность какихъ бы то ни было законовъ. Балансировать между тѣмъ и другимъ признаніемъ, можетъ быть, и удобно въ житейскомъ отношеніи: но тогда уже должны быть другія и рѣчи. Объ уваженіи къ закону тогда уже и заикаться не слѣдуетъ, а слѣдуетъ свести дѣло къ такому концу: какой законъ я одобряю, такой только и исполнять буду. Тогда разница въ отношеніяхъ къ закону между ревнителями уваженія къ закону и практическими отрицателями всяческихъ законовъ сведется по существу дѣла къ чистому нулю.

Для многихъ ревнителей, теоретически исповѣдующихъ полное уваженіе къ закону, самымъ опаснымъ камнемъ преткновенія на пути приложенія своихъ теоретическихъ взглядовъ къ практикѣ служить искусная, производимая мастерами этого дѣла, игра на ихъ тщеславіи. Начиная съ нѣсколькихъ аляповатаго обращенія: „вы, Василій Васильевичъ, все можете сдѣлать“ и кончая болѣе доликатными рѣчами: „на васъ единственная надежда“, безчисленные игроки ведутъ съ великимъ разнообразіемъ приступъ къ тщеславію тѣхъ или другихъ охранителей закона и, по большей части, съ успѣхомъ пользуются этимъ элементомъ въ дѣлахъ нарушенія законовъ. Отъ искуснаго цекотанія тщеславія разнѣживается сердце проповѣдника строгаго уваженія къ закону и распускается въ чувствѣ милостиваго расположенія удовлетворить просителя. А неумѣлые встрѣчаютъ одинъ лишь суровый ликъ ревнителя закона и осуждены вздыхать о своемъ „пезнаніи ходовъ“. Сострадательные люди, соболѣзнуя, покиваютъ главами и приговариваютъ: „Эхъ, други любезные, да вы бы Сидору Сидорычу написали: онъ все можетъ сдѣлать“.

Конечно, много менѣе говорятъ о необходимости уваженія къ закону люди, и безъ чужаго вмѣшательства наклон-

ные ставить себя нѣсколько повыше того мѣста, съ котораго примѣненіе закона къ жизни является дѣломъ одинаково для всѣхъ обязательнымъ. Не личная польза, не желаніе облагодѣтельствовать, не критическое отношеніе къ тому или другому закону наклоняють ихъ волю къ нагибанію закона въ ту или другую изъ сторонъ, въ которыя не надлежало бы ему сгибаться. Другое побужденіе ложится въ основу ихъ дѣйствій. Имъ самимъ не желательно гнуться передъ закономъ, унизиться въ этомъ отношеніи до толпы, уравнивать бѣлую кость собственного хребта съ черною костью чужихъ хребтовъ.

Не часто, а все же можно слышать рѣчи объ уваженіи къ закону и отъ лицъ, дорожащихъ исполненіемъ закона лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда за нарушеніе его можно потерпѣть неприятность, или попасть совсѣмъ въ большую бѣду. Значеніе закона, его смыслъ для жизни, его вліяніе на нее,—все это въ ихъ глазахъ не имѣетъ никакого значенія. Ихъ занимаетъ одна сторона дѣла: охраненіе своей личности отъ опасности подвергнуться взысканію. Опасность не усматривается, дѣло съ рукъ сойдетъ: въ такомъ случаѣ о законѣ и толковать не стоитъ. Пусть это пугало спокойно лежитъ въ шкафѣ, не тревожа на этотъ разъ никакими страхами.

Даже люди, привыкшіе давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распорядженіяхъ, привыкшіе судить себя довольно строго и правильно, обнаруживаютъ склонность нарушать законы и на самомъ дѣлѣ нарушаютъ ихъ, когда въ подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла вмѣшается ходатайство болѣе или менѣе сильнаго лица. „За него просила сама Аграфена Борисовна — аргументъ въ пользу нарушенія закона такой, силу котораго очень и очень немногіе способны подвергнуть должной оцѣнкѣ. Еще если бы эти Аграфены Борисовны давали себѣ трудъ вникнуть, по какимъ основаніямъ пожелали онѣ кинуть на вѣсы правды и закона свое вѣское ходатайство въ пользу того или другаго ловкаго просителя: тогда ходатайство не лишено было бы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой доли разумности. Но зачастую дѣло обстоитъ такъ: Аграфенѣ Борисовнѣ говорила о просителѣ и его дѣлѣ Марья Петровна; Марья Петровнѣ говорила ея кузина; кузинѣ говорила ея хорошая знакомая; хорошей знакомой

говорила ея горничная; горничной говорила сосѣдская кухарка. Въ результатѣ получается ходатайство „самой“ Аграфены Борисовны, идти противъ котораго „немыслимо“ по суду даже очень и очень высоко стоящихъ лицъ. „Оскорбить“ Аграфену Борисовну не подѣ силу бываетъ даже и крупнымъ лицамъ. Иные изъ этихъ крупныхъ лицъ могутъ исключать отказъ Аграфенѣ Борисовнѣ изъ категоріи дѣлъ „немыслимыхъ“, по и они рѣдко имѣютъ силу исключать его изъ категоріи дѣлъ „въ высшей степени безтактныхъ“. Хорошее это слово: „*безтактность*“; за нимъ укрываются многіе и не худые люди, не видя, что за спиною у *такта* стоитъ слово: *безчестно*. Но безтактность оказывается и для нихъ страшнѣе, чѣмъ загораживаемая ею безчестность, или нарушеніе закона и правды. А тотъ дерзкій, чье сердце не дрогнетъ даже передъ страхомъ безтактности, долженъ приготовиться быть зрителемъ почти повальнаго надъ собою глумленія и „должнаго“ возмездія со стороны Аграфены Борисовны.

Если бы мы сказали, что подѣ влияніемъ тѣхъ разнообразныхъ отношеній къ закону, о которыхъ велась рѣчь доселѣ, появляются легіоны людей, сознательно стремящихся къ нарушенію закона: то мы были бы не правы. Людей, видящихъ прямую для себя пользу отъ нарушенія всяческихъ законовъ всегда будетъ много, потому что всегда будетъ много эгоизма, ставящаго выше всего наживу, наслажденіе, удобства, удовлетвореніе своихъ страстей и прочія такъ называемыя блага, которыя путями, дозволяемыми закономъ, могутъ достигаться очень и очень не часто. Искателей чрезмѣрно много, а искомаго въ томъ родѣ, котораго ищутъ, чрезмѣрно мало. Итакъ, то—правда, что легіоны останутся легіонами. по ряды этихъ легіоновъ могли бы значительно порѣдѣть, если бы не было передъ глазами у нихъ тѣхъ отношеній къ закону, на которыя мы доселѣ указывали. Эти отношенія портятъ многихъ людей и толкаютъ ихъ въ ряды легіоновъ, и безъ того уже весьма сильныхъ своимъ числомъ. Велико было бы приобрѣтеніе для церкви и для государства, если бы уваженіе къ закону не столько исходило у насъ на уста, сколько переходило бы изъ нашихъ же устъ въ наше же сердце и тамъ держалось бы попрочнѣе.

Если это желаніе грѣшитъ чрезмѣрною идеальностію: то, въ видахъ уравниенія людей передъ требованіями закона, можно предложить другую мѣру, характера вполне реальнаго: устроить изъ знающихъ людей компанію на акціяхъ для изданія ежегодника подъ заглавіемъ: „Настольная книга: Указатель (на такой то годъ) путей къ объѣзду и обходу законовъ Россійской Имперіи“. Въ подписчикахъ недостатка не будетъ, если редакція поведетъ свое дѣло сколько нибудь добросовѣстно; даже не окажется пужды и въ бесплатныхъ приложеніяхъ.

II. Горскій-Платоновъ.
